

К. Г. Паустовский «Во глубине России» (отрывок)

Уж кого-кого, а деревенских мальчишек я знал насквозь. По многолетнему опыту в этом деле я смело могу утверждать, что у этих беспокойных и шумливых наших соотечественников есть одно действительно необыкновенное свойство. Физик определил бы его словами «всепроницаемость»: (В. Почему именно этим словом? О. Попробуй ответить сам.) Мальчишки эти «всепроницаемы», вернее «всепроницающи», или, говоря старинным тяжеловесным языком, «вездесущи».

В какую бы лесную, озерную или болотную глухомань я ни попадал, всюду я заставал мальчишек, (П. Проверь себя. Сравни свой ответ с авторским.) предававшихся самым разнообразным и порой удивительным занятиям. (В. Каким занятиям? О. Попробуй ответить сам.)

Я, конечно, не говорю о том, что в сентябре месяце на ледяной и туманной утренней заре заставал их, трясущихся от холода в мокрых зарослях ольхи на берегу глухого озера в двадцати километрах от жилья.

Они сидели, притаившись в кустах, с самодельными удочками, и только характерный звук, который называется «шмыганье носом», выдавал их присутствие. Иногда они так затаивались, что я их вовсе не видел и вздрагивал, когда у себя за спиной вдруг слышал умоляющий хриплый шепот:

– Дяденька, дай червячка!

Во все эти глухие места, где, как любили выражаться авторы романов о приключениях на суше и на море, «редко ступала нога человека», мальчишек приводило неистовое воображение и любопытство.

Мне кажется, что если бы я попал на Северный полюс или, скажем, на полюс Магнитный, то и там обязательно бы сидел и шмыгал носом мальчишка с удочкой, караулил бы у проруби треску, а на Магнитном полюсе выковыривал бы из земли сломанным ножом кусочек магнита. (П. Проверь себя. Сравни свой ответ с авторским.)

Других особо примечательных свойств за мальчишками я не знал и потому спросил у Маши:

– Чем же он такой прямо необыкновенный, твой Иван Степанович Крышкин? (О.)

– Ему восемь лет, – ответила Маша, – а он разыскивает и собирает для аптекаря разные лечебные травы. Например, валериану. (П. Проверь себя. Сравни свой ответ с авторским.)

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что Иван Степанович Крышкин до удивительности похож на того мальчишку, которого я подсаживал на старого мерина. Но все сомнения рассеялись, когда я узнал, что упомянутый Крышкин появился около аптеки вместе с гнедым меринком и что этот самый мерин, будучи привязан к изгороди, тотчас уснул. А Иван Степанович Крышкин вошел в аптеку и передал аптекарю мешок с собранной за Бобровой протокой травой валерианой.

Евгений Пермяк

Самое страшное

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. (...) Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил. (...) Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился.

Гордился, да недолго. (...)

Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его — и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушку, а тот на улицу убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перебрался.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: (...) (...) Вова остался один. Один-одинёшенек! (...)

Ночью злой хищник филин охотится, днем прячется. Говорят, будто днем он плохо видит и оттого прячется. А по-моему, если бы он и хорошо видел, все равно ему бы днем нельзя было никуда показаться (В. О.) – до того своими ночными разбоями нажил он себе много врагов. (П.) Однажды я шел опушкой леса. Моя небольшая охотничья собачка, породу своей спаниель, а по прозвищу Сват, что-то причуяла в большой куче хвороста. Долго с лаем бегал Сват вокруг кучи, не решаясь подлезть под нее.

– Брось! – приказал я. – Это еж.

Так у меня собачка приучена: скажу «еж», и Сват бросает.

Но в этот раз Сват не послушался и с ожесточением бросился на кучу и ухитрился подлезть под нее.

«Наверно, еж», подумал я.

И вдруг с другой стороны кучи, под которую подлез Сват, из-под нее выбегает на свет филин, ушастый и огромных размеров и с огромными кошачьими глазами.

Филин на свету – это огромное событие в птичьем мире. (В. О.) Бывало, в детстве приходилось попадать в темную комнату – чего-чего там не покажется в темных углах, и больше всего я боялся черта. Конечно, это глупости, и никакого черта нет для человека. Но у птиц, по-моему, черт есть – это их ночной разбойник филин. И когда филин выскочил из-под кучи, то это было для птиц все равно, как если бы у нас на свету черт показался. (П.)

Единственная ворона была, пролетала, когда филин, согнувшись, в ужасе перебежал из-под кучи под ближайшую елку. Ворона увидела разбойника, села на вершину этой елки и крикнула совсем особенным голосом:

– Кра!

Страшное слово прежде всего услышали ближайšie вороны, и, услышав, повторили. И более отдаленные, услышав, тоже повторили, и так в один миг: несметная стая, целая туча ворон с криком: «Черт!» прилетела и облепила высокую елку с верхнего сучка и до нижнего.

Услышав переполох в вороньем мире, тоже со всех сторон прилетели галки черные с белыми глазами, сойки бурые с голубыми крыльями, ярко-желтые, почти золотые иволги. Места всем не хватило на елке, много соседних деревьев покрылось птицами, и все новые и новые прибывали: синички, гаечки, московки, трясогузки, пеночки, зарянки и разные покрапивнички. В это время Сват, не понимая, что филин давно уже выскочил из-под кучи и прошмыгнул под елку, все там орал и копался под кучей. Вороны и все другие птицы глядели на кучу, все они ждали Свата (В. О.), чтобы он выскочил и выгнал филина из-под елки. (П.)

И когда филин выбежал из-под елки и стал на крыло, опять вороны крикнули:

– Кра!

И это теперь значило:

– Брать!

Все вороны поднялись с дерева, вслед за воронами все галки, сойки, иволги, дрозды, вертишейки, трясогузки, щеглы, синички, гаечки, московочки, и все эти птицы помчались темной тучей за филином и все орали одно только:

– Брать, брать, брать!

И так вся туча птиц скоро скрылась на горизонте, и Сват тоже исчез за перелеском.

Чем все кончилось, не знаю. Сват вернулся ко мне только через час с филиновым пухом во рту. (В. О.)

.